

К ЮБИЛЕЮ ТАТЬЯНЫ ВИКТОРОВНЫ ШМЕЛЕВОЙ

В ноябре 2011 г. отмечался юбилей Татьяны Викторовны Шмелевой, доктора филологических наук, профессора, ныне работающего в Новгородском университете. Среди лингвистов, опытных уже и совсем юных, не найдется, пожалуй, такого, кто не слышал бы о ней (а если и найдется, то совсем он не лингвист, по видимому), так что мои заметки о Татьяне Викторовне для большинства из нашей братии не будут содержать особой новизны.

Как бы иронично ни относиться к жанру «слова на юбилей», преступить совсем его законы нельзя. Но я должен заверить читателя, что, следуя законам этого жанра, положительно-оценочные определения и суперлативы я использую легко и естественно, ибо эти дежурные речевые действия в данном случае не таят никакой неискренности и не должны восприниматься как «юбилейная позолота».

Т.В. Шмелева весьма разносторонний ученый-лингвист, чьи интересы не замыкаются в узком кругу излюбленной темы, выбранной когда-то по той или иной причине (как правило, еще в студенческие годы), но естественно и логично выходят на новые горизонты. Для нее как ученого характерна особая лингвистическая зоркость, если можно так выразиться, способность увидеть в обычных, простых (на первый взгляд) языковых фактах отражение самой природы языка и человека говорящего. Между прочим, путь от языковой эмпирики к высшим горизонтам гуманитарного знания, как кажется, пролегает через территории, являющиеся уделом синтаксиса и семантики. Поэтому, наверное, Татьяна Викторовна прежде всего синтаксист.

Будучи ученицей В.А. Белошапковой, она уже в начале научного пути сосредоточилась на изысканиях в области полипредикативного синтаксиса, дающего особо богатый материал для исследования смысловой организации высказывания, в частности, закономерностей выражения модусных компонентов структуры (шире – модусно-диктумного членения высказывания). С ее приходом в отечественный синтаксис вопросы изучения модуса, несомненно, получили более полное и яркое освещение.

В докторской диссертации Татьяна Викторовна определила синтаксис как науку, призванную описывать «не классы реальных предложений, изъятых из тех или других текстов, а идеальное высказывание, законы построения которого – безусловный факт

языкового сознания русских людей, но отнюдь не достоверное знание лингвистики» (Шмелева, 1995: 8).

Кое-кто, между прочим, утверждает, что высказывание – явление речи, но никак не факт языкового сознания. Но языковая система (иначе говоря, языковое сознание, языковая компетенция) «ответственна» не только за синтаксическую структуру предложения, но и за массу других вещей, без которых предложение немислимо как коммуникативная единица, наделенная смыслом и целью. К таким явлениям относится, например, интонация, которая существует в системе языка как эмическая единица, несмотря на акустическую (мелодическую) неповторимость каждого реального высказывания. По статусу в синтаксической системе языка интонация – это, наверное, такой же строевой компонент, как член предложения (компонент структурной схемы).

Утверждение, что высказывание есть единица речи, в сущности, столь же неверно, как и мысль, что структурная схема является единицей речи. В любом случае синтаксист не может удовлетвориться описанием структуры высказывания (занесением его в некий реестр форм, которым приписываются типовые смыслы), ибо синтаксическое описание должно быть не «фактофиксирующим», а «экспланаторным»: в задачу лингвиста, несомненно, входит выяснение того, как, из чего, с помощью каких средств и почему появилось высказывание, облеченное в такие формы, какие коммуникативные задачи при этом решаются, какие психоментальные (речемыслительные) процессы в нем отражаются и т.п. Только в этом случае любое уникальное высказывание, порождение которого предопределено творческой беспредельностью языка, может стать означаемым метаязыкового сообщения (лингвистического суждения).

Заслугой профессора Т.В. Шмелевой, без сомнения, является то, что в ее исследованиях понятийный аппарат синтаксиса существенно расширился. «Модус не может быть охарактеризован без обращения к понятиям, по крайней мере явно не присутствующим в понятийном аппарате синтаксиса, – говорящий, коммуникативное намерение, коммуникативная стратегия, речевое поведение, правило речевого поведения, речевой акт и речевой жанр» (Шмелева, 1995: 11).

Такое расширение уделов синтаксиса таит в себе немало эвристических возможностей. Так, неясность морфологической («частеречной») природы так называемых вводно-модальных слов объясняется не только функциональной спецификой, но и особенностями их генезиса-деривации, ибо все они суть результат свертывания модусной предикации («понижения коммуникативного ранга»), т.е. слова-предложения в «чужеродном» теле диктума. Они вне частей речи, поскольку часть речи – это категория слов-

номинаций, а не слов-предложений. Вводно-модальное слово – объект, целиком и полностью принадлежащий синтаксису, а не морфологии.

То, как сформулировала свою программу синтаксиса Татьяна Викторовна (включив в его пределы понятия *говорящий, коммуникативное намерение, коммуникативная стратегия, речевое поведение, правило речевого поведения, речевой акт и речевой жанр*), определило во многом и направление ее дальнейших изысканий. Почти все ее работы последнего полутора десятка лет (по крайней мере известные мне) непременно связаны с речеведением: с теорией речевых жанров, лингвистической прагматикой, активной грамматикой, исследующей механизмы текстопорождения в связи с коммуникативным (речевым) поведением.

Это вполне согласуется с новыми приоритетами науки о языке. В одном из писем автору этих заметок Татьяна Викторовна заметила, что теория речи «несимметрична теории языка», поскольку «включает последнюю в снятом виде». Эта формирующаяся на рубеже веков новая лингвистика есть языкознание и речеведение в неразрывной целостности, мыслимые в сущностной связи с пограничными отраслями гуманитарного знания. Это уже не языкознание в привычном смысле, ибо взгляд лингвиста обращен уже не только к явлениям языка-речи, но ко всей словесности. А под словесностью я разумею здесь не литературу во всей совокупности жанров, не накопленный тезаурус, не созданные уже тексты, но всю словесную деятельность, самодовлеющую и включенную в иную социальную деятельность, никогда не останавливающуюся и единственно необходимую, чтобы существовал этнос, социум, общество людей.

Изучение того, как в речевом произведении выражается «авторское», «национальное», «социальное», «человеческое», становится одним из главных приоритетов современной науки, и Татьяна Викторовна была в числе первых языковедов, кто всерьез занялся исследованиями в этой сфере, ставя задачи теоретического и методологического плана. Определяя основные направления исследований языковой картины мира, она заключает: «Говорить надо не о картине, а о картинной галерее... В идеале активная грамматика должна отталкиваться от языковой картины мира, показывать пути, по которым говорящий движется от действительности к текстам..., однако реально ЯКМ не может быть получена иначе, как в ходе активно-грамматических поисков, в реконструкции языковых представлений из языковых форм; иначе говоря, можно думать, что создание активной грамматики и есть магистральный путь к ЯКМ» (Шмелева, 1997: 140).

Совершенно логично в свете сказанного и то, что под пристальным выниманием профессора Т.В. Шмелевой оказались в последнее время и проблемы генологии, особого направления в современном речеведении, развивающего традиции М.М. Бахтина, считавшего, что

«даже в самой свободной и непринужденной беседе мы отливаем нашу речь по определенным жанровым формам... Эти речевые жанры даны нам почти так же, как дан родной язык» (Бахтин, 1979), а потому жанровые формы также должны быть предметом лингвистического (речеведческого) моделирования. Проблемы изучения моделей речевых жанров, на мой взгляд, наиболее интересное решение нашли в работах Татьяны Викторовны (Шмелева, 1997: 89–98).

А еще Татьяна Викторовна очень интересный человек. Мне повезло: я лично знаком с ней. Судьба подарила мне немало дней, проведенных в ее обществе, более всего – в польском городе Быдгощ, в Высшей педагогической школе, где мы проработали бок о бок два года, ведя магистерские семинары, а позже на конференциях в Петербурге и Великом Новгороде. Наше с профессором В.А. Салимовским путешествие на конференцию в этот древний русский город было бы довольно рядовым и скучным, если бы там не было Татьяны Викторовны, проявившей себя, между прочим, и как профессиональный экскурсовод. Сейчас, по прошествии почти десяти лет, я с трудом сохраняю научные впечатления от конференции, воспоминания же о новгородской старине до сих пор живы и ярки.

Кто-то сказал, что время, проведенное в общении с хорошим и интересным человеком, не только не тратится впустую, прибавляя духовных богатств, а вообще не тратится (как для заядлого рыбака не тратится время, проведенное на реке). Наверное, поэтому я весьма сожалею, что в последние годы редко встречаюсь с Татьяной Викторовной.

Литература:

Шмелева, Татьяна В. 1995. *Субъективные аспекты русского высказывания*: Дис. в виде научного доклада на соискание ученой степени докт. филол. наук. Москва.

Шмелева, Татьяна В. 1999. Языковая картина мира и активная грамматика. В: *Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике*. Новосибирск.

Бахтин, Михаил М. 1979. *Эстетика словесного творчества*. Москва.

Шмелева, Татьяна В. 1997. Модель речевого жанра. В: *Жанры речи*. Саратов. С. 88–98.

Валерий А. Мишланов